

А как же любовь?

Автор:

[Дэни Коллинз](#)

А как же любовь?

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #810

Жизнь знаменитого гонщика Рамона и его родных проходит под прицелом фотокамер, поэтому, не желая никого подвергать подобной участи, он избегает серьезных отношений и привязанностей. Много лет назад Рамон отверг юную Исидору, с детских лет безответно влюбленную в него, но теперь, когда она стала молодой красивой женщиной, он больше не может игнорировать свои истинные чувства к ней...

Дэни Коллинз

А как же любовь?

Bound by the Millionaire's Ring

© 2016 by Dani Collins

«А как же любовь?»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Исидоре Гарсиа не нужно было поднимать взгляд от экрана компьютера, чтобы понять, что ее босс здесь. Она увидела его боковым зрением и была немало удивлена тем, что он здесь, в Париже. Он совсем недавно стал отцом, но, когда у его сестры Треллы случились неприятности, он без колебаний приехал к ней.

– Я уже все видела, – проговорила Исидора. – Пишу электронное письмо...

Она замолчала на полуслове, осознав свою ошибку. Кожу словно покалывало маленькими иголочками, а кровь в венах вдруг стала густой и горячей. Ну конечно же, перед ней не Анри Совертер, а его брат-близнец Рамон. Сквозь тело прошла волна сожаления. Уязвимости. Тоски и предательства.

Она подняла взгляд на мужчину, выглядевшего в точности как человек, который практически вынудил ее занять эту позицию, и собрала в кулак всю силу воли. Они оба были по-своему безжалостны, но Анри, по крайней мере, не был жесток.

– Я не знала, что ты в Париже, – ровный голос нисколько не выдал ее истинных чувств.

Темные волосы Рамона были так же коротко стрижены, как и у брата. Гладко выбритое лицо не было красивым в общепринятом смысле слова, но в угловатых чертах было что-то несомненно очень привлекательное. Зеленые глаза становились серыми, когда он сердился. Сегодня радужка глаз была почти пепельно-серой, и тугий узел напряжения свернулся в желудке Исидоры. Рамон облокотился на ее рабочий стол и наклонился прямо к ней.

– Почему ты не делаешь свою работу?

Его резкий тон врезался в нее острым ножом. Боже, как она презирала себя за то, что до сих пор так остро на него реагировала. Как же она ненавидела этого человека, особенно теперь, когда знала, каким жестоким он мог быть. По крайней мере, когда она была молодой и глупой, она его не боялась.

Исидора сделала глубокий вдох и глянула на экран компьютера, чтобы взять себя в руки. Она небрежно кивнула на компьютер.

– Я работаю. И если ты не будешь меня отвлекать, я смогу продолжить.

Ей удалось сказать это абсолютно ровным голосом, и Исидора похвалила себя за то, что ее руки совсем не дрожали, хотя внутренне она трепетала от страха. Даже несмотря на ненависть, которую она испытывала к Рамону, она находила его чертовски привлекательным мужчиной, и это ее злило.

– Что ты можешь сделать на данном этапе? – прорычал он. – Почему ты это не предотвратила?

– Предотвратила беременность твоей сестры? – Она посмотрела ему в глаза, и сердце ее застучало как сумасшедшее. Исидора криво ухмыльнулась. – Веришь или нет, но это вне сферы моих должностных обязанностей. Я трижды говорила с ней, и предполагалось, что мы контролируем возможную утечку новостей.

Трелла была высокой, стройной красавицей. В последнее время она носила свободную одежду нестандартного кроя, которая скрывала ее интересное положение, но она была уже на пятом месяце беременности. Она не могла скрывать свой живот вечно.

– Ты должна была поговорить с ней в четвертый раз. И в пятый. У твоего отца было достаточно возможностей, чтобы сохранить это в тайне. Почему ты ничего не сделала?

Сердце ее пропустило пару ударов. Он что, действительно собирается втянуть во все это ее отца? Ну уж нет!

– Даже мой отец не может контролировать каждого человека, у которого есть аккаунт в социальных сетях, Рамон! Фотографию опубликовала женщина, которая навещала свою мать в больнице. Позволь тебе напомнить: ты сам привез Треллу в своей машине, довольно приметной, кстати сказать. Конечно, люди проявили любопытство. Единственная причина, по которой интернет-тролли не сразу поняли, что Трелла беременна, так это то, что они долго язвили по поводу ее лишнего веса.

Исидора вспомнила, что Рамон и Трелла оказались в больнице из-за экстренного кесарева сечения их невестки, и спросила:

– Как Цинния и малыши?

– Прекрасно.

Он оттолкнулся от ее стола. Выражение его лица было равнодушным и отчужденным – Рамон, как и его брат и сестры, всегда реагировал именно так, когда кто-то интересовался семьей, даже если интерес был искренним.

Отпрыски семьи Совертер стали сенсацией в ту же минуту, как родилась вторая пара близнецов – Анжелика и Трелла. Дети французского магната и знатной испанки завораживали любопытствующих своей зеркальной схожестью и идеальными жизнями.

Когда девочкам исполнилось девять, Треллу похитили. Через пять дней ее вернули, но вместо того, чтобы дать семье хоть небольшую передышку, пресса с удвоенной силой стала следить за каждым их шагом. Такое огромное давление довольно рано свело отца семейства в могилу, но репортеры так и не оставляли их в покое.

Анжелика, или Джили, как звали ее дома, нашла свое счастье. Она тайно обручилась со своим любимым, Касимом, поэтому все семейство собралось в Испании. Празднование помолвки пришлось прервать, когда Циннию увезли в больницу. Трелла села на пассажирское сиденье выпущенного ограниченным тиражом «бугатти» Рамона, чтобы поехать в госпиталь вслед за братом и его женой. Серебристый спорткар Рамона неизменно приковывал к себе многочисленные взгляды. Взволнованная состоянием Циннии, Трелла выскочила из машины брата, не подумав о том, что на ней надето, и ее округлившийся животик был уже хорошо заметен.

Любой случайный снимок члена семьи Совертер тут же становился сенсацией, а эта фотография давала досужим сплетникам повод порассуждать о тайной беременности Треллы и предполагаемом отце ее ребенка. Новость дала эффект разорвавшейся бомбы.

Исидора выросла вместе с Треллой и Джили, ее отец работал на мсье Совертера. Она заботилась о девушках и искренне желала всей семье самого лучшего. Вот почему Анри нанял ее. Он доверял ей все самые деликатные пиар-публикации относительно семьи, такие как их с Циннией венчание и рождение дочерей.

Однако для Рамона все это не имело никакого значения. Для него Исидора была аутсайдером, достойным лишь критики и порицания. Ну и ладно. Ей плевать! Ей давно уже не нужно ничье одобрение.

– Я надеялась, что приехал Анри. Я собиралась предложить опубликовать семейный портрет с Циннией и малышками раньше, чем планировалось. Меня просто закидали вопросами. Думаю, публикация фотографий отвлечет всеобщее внимание от Треллы.

– Пожалуйста, давай принесем в жертву младенцев, когда им исполнится хотя бы неделя.

Она просто пытается помочь! С трудом сглотнув комок, застрявший в горле, она поднялась, чтобы убрать папку в шкаф, хотя в этом не было необходимости. Ей просто необходимо было увеличить дистанцию между собой и Рамоном.

– У тебя есть идея получше?

– Да.

Как же ее раздражало это высокомерие! Если бы не отец, который давил на нее, не Анри, плативший ей баснословное жалованье, если бы она не обожала Треллу, Анжелику и Циннию, Исидора давно бы уволилась. Даже крайне редкое общение с Рамоном было для нее слишком большим испытанием.

– Внимательно тебя слушаю, – сказала она не оборачиваясь. Каждой клеточкой своего тела она ощущала на себе тяжелый взгляд Рамона.

– Созови пресс-конференцию. Я собираюсь объявить о своем уходе из гонок.

У Исидоры была лучшая попка из всех, что ему доводилось видеть, – а попок Рамон повидал немало. Когда она обернулась, рука ее все еще лежала на верхней полке стеллажа, так что рубашка на ее груди натянулась, и он украдкой глянул на соблазнительные изгибы, прежде чем сосредоточиться на ее изумленном лице.

Пушистые ресницы обрамляли большие карие глаза, блестящие медные волосы были собраны заколкой-зажимом на затылке, и он не смог удержаться от того, чтобы на миг представить, как эти роскошные распущенные локоны будут обрамлять ее высокие скулы. На лице Исидоры почти не было макияжа, да он ей был и ни к чему – природа щедро наделила ее естественной красотой.

Рамон, как правило, предпочитал общепризнанных ярких красавиц, от которых так и веяло сексуальностью, он не любил сложностей, выбирая простые и понятные взаимоотношения. Его целью было безразличие. Он никогда не овеществлял своих женщин, в отличие от них самих. Рамон понимал, что для светских красавиц он является своего рода трофеем. Он щедро дарил удовольствие и получал его взамен, и, подходя к концу, эти отношения не причиняли никому боли.

Исидора никогда не предлагала ему таких простых отношений. Когда она была еще совсем юной, Рамон был в ее глазах объектом восхищения и поклонения, ожиданий, которых он никогда бы не оправдал. Поэтому пять лет назад он оказал ей огромную услугу, позволив Исидоре поверить, что он переспал с ее матерью. И она по сей день ненавидела его всей душой. Исидора в одночасье перестала сопровождать своего отца в офис или на гонки, в которых участвовал Рамон. Правда, Исидора продолжала общаться с его сестрами, но она каждый раз вежливо отказывалась от любых приглашений, которые присылали ей Совертеры.

Когда Исидора получила высшее образование в сфере пиара и начала часто бывать за границей по работе, их с Рамоном пути пересекались несколько раз, но она неизменно уходила от него прочь так быстро, как позволяли приличия. Поэтому на ее попку Рамон насмотрелся вдоволь.

Ее презрение к Рамону достигло своего апогея в прошлом году, на праздновании шестидесятилетия ее отца. Да, у Рамона были соперники и в бизнесе, и на гоночной трассе, но никто не ненавидел его с такой силой. Исидора выглядела такой взрослой, такой роскошной в темно-сапфировом платье в пол. Рамон счел,

что она уже забыла свое детское увлечение им и готова наконец услышать правду.

– Я хочу закопать топор войны, – сказал он, кружа Исидору в вальсе. – Давай поговорим где-нибудь наедине.

– А, так вот как это называется, закопать топор? – ответила она ледяным тоном. – Нет, спасибо.

Исидора ушла прежде, чем закончилась музыка. Она все еще вела себя как ребенок...

Рамон одернул себя и вернулся в настоящее, сосредоточившись на словах Исидоры.

– Ты уходишь из гонок? – с недоверием переспросила она.

– Да. – Это наименьшее, что он мог сделать для своей семьи.

– Но ты все еще выигрываешь. Твои поклонники будут просто раздавлены.

– Мне уже достаточно славы и денег.

– Но... тебе ведь это нравится.

Она закрыла дверцу шкафа и встала так, что ее колено было видно через разрез на юбке. Да, она определенно уже не ребенок.

– Это просто приятное развлечение. – Он пожал плечами. Психолог сказал бы, что его жажда скорости – это компенсация вины за то, что Рамон не смог догнать Треллу, когда ее похитили, но ему действительно нравились гонки. – Я уже давно раздумывал над этой возможностью. Я продолжу спонсировать свою команду и буду в курсе всех событий.

– По-моему, это перебор. Нельзя же вечно отрицать беременность Треллы.

Рамон сложил руки на груди. Он не привык защищать свои решения перед кем бы то ни было.

– Я решил объявить об уходе из гонок именно сейчас, чтобы отвлечь прессу от Треллы, – не удержался от снисхождения в голосе, – но решение стало неизбежным, как только Цинния забеременела. Анри уже не может путешествовать так же много, как и раньше.

Рамон и Анри совместно управляли «Совертер интернешнл», хотя Анри брал на себя большую часть работы, так как Рамон участвовал в гонках. Но теперь у Анри совсем другие заботы, поэтому Рамон был готов посвятить больше времени общему делу, чтобы брат мог уделять время своей семье.

– Значит, ты это планировал?

– Я знал, что моя роль изменится, как только родятся дети.

– Мы все знали, что ты займешь этот офис, как только Анри переедет в Мадрид, но никто не ожидал, что ты бросишь гонки.

– Мы планировали объявить об этом в следующем месяце, но, поскольку дети родились раньше времени, мы изменили расписание. Я начну реструктуризацию сегодня же. И начну я с тебя.

– С меня? – Она удивленно распахнула глаза. – Меня переводят в Мадрид. Переезд должен был состояться, как только Цинния родит, но дети появились на свет раньше срока... Ты хочешь сказать, что мой перевод состоится раньше?

– Ты остаешься здесь, – отрезал Рамон. Наверное, он не должен был так сильно наслаждаться произведенным эффектом, но эта мысль грела его. – Мои сестры приехали в Париж вместе со мной. Сейчас они разбирают вещи в особняке Жюмо, готовясь к отъезду Анжелики. О помолвке скоро будет объявлено, есть некоторые тонкости, касаемые семьи Касима, которые потребуют твоего деликатного вмешательства.

Исидора быстро прикрыла глаза, чтобы скрыть вспышку... страха? Нет, гнева. Но почему? Он говорил о ее деликатном вмешательстве без тени сарказма. Она

прекрасно выполняла свою работу, иначе не занимала бы такую высокую позицию.

– Я сделаю все возможное, чтобы отвлечь внимание прессы на себя, – продолжил Рамон, – но тебе придется взять на себя организацию пресс-конференции, как и подготовку пресс-релизов о реструктуризации.

– Я могу все это сделать дистанционно. – Исидора воинственно сложила руки на груди и отвернулась к окну с видом на Сену. – Я поговорю с Анри.

– Он только что привез детей домой. Анри сейчас почти не занимается делами, уделяя все свое внимание семье. Твой работодатель не только Анри. Мы с ним все обсудили, это наше обоюдное решение.

– Значит, вы двое решили отказать мне в переводе в Мадрид, даже не обсудив это со мной?

– Да, – кивнул он. Как это часто бывало, Анри лишь озвучил то, о чем думал Рамон. – Какая-то часть твоей работы действительно может выполняться дистанционно, но в кризисные времена, такие как сейчас, ты нужна нам здесь.

Исидора упрямо поджала губы. Он видел, что она судорожно подыскивает альтернативу. И он знал, почему она это делает.

– Может, нам уговорить твоего отца не выходить пока на пенсию? – предложил он.

– Поверь мне, искушение очень велико.

– Отодвинь свою обиду, Исидора. Ты профессионал, веди себя соответствующе.

Исидора резко выдохнула, словно от удара в солнечное сплетение, и Рамон почувствовал легкий укол совести. Возможно, слабая тень боли мелькнула в ее глазах, но она села за стол, заправив за ухо выбившуюся прядь волос, и Рамон не смог разглядеть выражения ее лица. Когда она снова подняла взгляд, в нем читалась решительность.

– Я напишу заявление об увольнении к концу дня.

Казалось, пол ушел у него из-под ног. Неужели она настолько сильно его ненавидит? Рамон не мог поверить, что она говорит серьезно. Поймав наконец ее взгляд, он увидел, как расширились ее зрачки, отчего глаза стали похожи на бархатистые анютины глазки, но при этом были абсолютно пустыми.

На одно мгновение мир вокруг него исчез. Тихая агония, которая жила в его сердце и которую он упорно игнорировал, вспыхнула такой острой болью, что у него перехватило дыхание. Рамон никак не мог осознать, как Исидоре удалось так больно ранить его, всего лишь пытаясь отстраниться.

Почему она вообще сказала об увольнении? Двадцатичетырехлетняя девушка, занимающая такую ответственную должность, – событие беспрецедентное. Да, родственные связи сыграли свою роль, но она великолепно справляется со своими задачами. Рамон не может позволить, чтобы из-за него сестры лишились такого союзника.

Однако он не из тех людей, кто станет умолять. Она уже давно ненавидела его, поэтому нет смысла очаровывать ее.

– Давай я объясню тебе, что произойдет, если ты уволишься. – Он снова навис над ее столом. Исидора напряглась, но не отступила. Он уловил легкий запах ее кожи и поймал себя на мысли, что не прочь попробовать ее на вкус. – Я знаю, что ты подписала соглашение о конфиденциальности, но, учитывая твою ко мне антипатию, я не слишком тебе доверяю. Я сильно осложню твою жизнь, если ты отсюда уйдешь. Других вакансий для тебя на этом уровне не будет, обещаю.

– Если так ты пытаешься умаслить меня, то попытка подружиться провалилась.

– Докажи свою преданность нашей семье. Делай то, за что тебе так хорошо платят.

– Раз ты угрожаешь моей карьере – хорошо, я докажу свою преданность. Я останусь потому, что люблю твоих сестер, и потому, что в ином случае моему отцу придется снова занять эту должность. Его преданность семье неизменна. Я никогда не говорила ему, что ты спал с его женой, и не надо мне говорить, что они уже были в разводе! – Она ткнула его пальцем в грудь, и Рамон прищурился,

словно предупреждая, что она балансирует на грани. – В отличие от тебя мне не доставляет удовольствия заставлять людей страдать. А теперь извини, я должна организовать пресс-конференцию.

– Исидора, – обманчиво мягко сказал он, внимательно посмотрев в ее глаза. – Мне небезразличны мои сестры и твой отец. Вот почему я позволяю тебе и дальше работать с нами вместо того, чтобы поджарить тебя на сковороде за неподчинение. Последи за своими манерами, дорогая.

Глава 2

Пылая праведным гневом, Исидора выполнила свою работу, разослав уведомления о проведении пресс-конференции в зале совещаний штаб-квартиры «Совертер интернешнл» в Париже. Небоскреб в Мадриде был точной копией этого здания, построенный по тем же спецификациям. До сегодняшнего дня Рамон работал в испанском офисе, поэтому Исидора не просила перевести ее на родину, чтобы быть ближе к родителям.

Ей хотелось поскорее позвонить отцу и рассказать о том, что Рамон покидает профессиональные гонки. Ее отец был заядлым болельщиком еще до того, как сын его друга начал выходить в Гран-при всего в девятнадцать лет. В свое время Рамон потратил наследство своей бабушки на машину и команду, к огромному разочарованию покойного месье Совертера. В тот год Рамон выиграл гонку, а в последующие годы либо выигрывал, либо занимал призовые места.

Одними из самых теплых воспоминаний Исидоры были те, когда они с отцом сидели перед телевизором и напряженно следили за тем, как гоночные болиды рассекают по узким улочкам Монако.

Вначале она не столько болела сама, сколько разделяла страсть отца. Правда, к тому времени, как Исидоре исполнилось двенадцать, она стала большой поклонницей одного конкретного гонщика. Серия громких побед Рамона в сочетании с известной фамилией сделали его не просто популярным. Он стал кумиром миллионов. И он, без сомнения, ослепил юное сердечко Исидоры.

Но после того злополучного дня, когда она столкнулась с Рамоном, облаченным в мятую одежду, с утренней щетиной, выходящим из дома ее матери, она перестала смотреть гонки с отцом. Она говорила, что сильно загружена учебой, хотя сама украдкой продолжала смотреть заезды на ноутбуке, уединившись в университетской библиотеке.

Она всей душой ненавидела Рамона, и все же ей необходимо было знать, что он не пострадал в очередном заезде. Почему же она так разочарована его уходом из гонок? Ее отец будет расстроен еще больше, но, как бывший глава пиар-департамента «Совертер интернешнл», он поймет. Даже Исидора, еще до того, как заняла эту должность, понимала, что, как только дело доходит до публичности, Рамон оттягивает на себя львиную долю внимания прессы. Рамон всегда сам отвечал за утечки информации о себе, никогда не привлекая к этому Исидору.

Так что в каком-то смысле она была не слишком удивлена, когда Рамон заявил о своем уходе из гонок, чтобы отвлечь внимание от беременности Треллы. Просто Исидоре почему-то было... грустно. И все же она не понимала, почему Рамон был с ней так суров.

Она пригладила волосы, слегка подкрасила губы и написала Рамону смс, что будет ждать его около лифта, но его опередил Этьен. Он был протеже ее отца, и в прошлом году они несколько раз встречались, но вопреки ожиданиям Этьена их отношения не дошли до постели. Исидора уехала в Лондон, чтобы закончить учебу, и была счастлива, что их пути больше не пересекались. Когда ее отец ушел на пенсию, Анри надавил на все возможные кнопки, чтобы Исидора заняла его должность. Этьен считал, что позиция главы пиар-департамента уже у него в кармане, и был крайне недоволен назначением Исидоры.

- Так это правда? - почти воинственно спросил Этьен.

- О чем ты?

- Трелла беременна? Об этом будет пресс-конференция?

- Сегодняшняя конференция полностью посвящена другой теме. - Исидора сделала вид, что читает что-то в своем телефоне.

- Не хочешь сказать, что это за тема? - спросил он после небольшой паузы.

- Ты узнаешь об этом через пять минут из первых уст, Этьен.

Он пробормотал себе под нос что-то о фаворитизме, но Исидора ничего не ответила.

- Значит, ты не отрицаешь?

- Не отрицаю чего?

- Тебя наняли из-за твоего отца, - выпалил он то, что явно давно его терзало. - У тебя недостаточно квалификации, у тебя нет моего опыта!

- Да, мне дали шанс из-за него. Но если я наделаю ошибок, уверяю, меня уволят без всяких сомнений.

В конце коридора хлопнула дверь, и они замолчали, услышав размеренные шаги Рамона.

- Анри, - радостно поприветствовал его Этьен.

- Рамон, - поправил он, входя в лифт.

- Конечно, - смутился Этьен. Он последним вошел в лифт и нажал кнопку первого этажа. - В сообщении не было указано. - Он бросил злобный взгляд на Исидору. - Я не знал, что вы здесь. Полагаю, ваш брат еще в Испании...

- Бернардо никогда нас не путал, - перебил Рамон. - И Исидора тоже. Мы с братом высоко ценим это умение в людях, которые нас окружают. И никогда больше не сплетничай о моей семье. У меня нет никаких сомнений, что за это можно и уволить.

Ничего не получалось. После нескольких минут вспышек фотокамер и тихих перешептываний вопросы снова вернулись к Трелле.

– Когда ей рожать?

– Кто отец ребенка?

– Дамы и господа! Пожалуйста, ограничьтесь вопросами, касающимися непосредственно сегодняшней темы. – Исидора наклонилась к микрофону, и ее хорошо поставленный голос зазвучал в конференц-зале. – Рамон уходит из гонок, чтобы освободить время на реструктуризацию компании. Эта новость будет интересна не только финансистам, но и поклонникам спорта.

Уверенная, спокойная, как и ее отец, Исидора держала руку на пульсе. Но в одном Этьен был прав: ей не хватало опыта. У нее не было хорошо отработанного навыка Рамона манипулировать прессой – этому научил его Бернардо.

Пятнадцать лет назад Бернардо умолял девятилетнюю Анжелику помочь ему. Полиция считала, что общественная просьба о помощи поможет вернуть Треллу.

– Эмоции объединяют людей, – говорил тогда Бернардо. – Я не хочу причинять тебе еще больше боли. Я знаю, что тебе страшно, но я прошу тебя не скрывать своих слез, люди должны видеть, что ты чувствуешь.

Было жестоко просить испуганного ребенка выступать на камеру, но тогда у них просто не было иного выхода. Отец не мог смотреть, как его чувствительную, застенчивую дочь заставляют пройти через такое испытание. Анри встал рядом с камерой, чтобы Анжелика могла черпать в нем силы.

После того как Треллу вернули домой, семья попыталась вернуться к привычной жизни, но это было непросто. Все они стали мишенями для прессы, и каждый из них по-своему стал бороться с повышенным вниманием. Анри превращался в каменную стену, Анжелика просто игнорировала репортеров, Трелла научилась скрываться, и за последние несколько лет в прессе не появилось ни одной ее фотографии. А Рамон предпочитал игру по своим собственным правилам.

Ему было все равно, что о нем пишут. Но как же его веселили газетные утки, особенно если их автором был он сам. Один из его приятелей-гонщиков с радостью обменивался с Рамоном взаимными оскорблениями, чтобы отвлечь внимание от Циннии и ее тяжелой беременности.

А теперь еще один ребенок на подходе. Иногда ему хотелось придушить сестру, но это еще успеется. Сейчас его главной задачей является защита Треллы и ее будущего ребенка. Несмотря на прогресс, достигнутый в прошлом году, она все еще была очень хрупкой. Трелла с трудом пережила похищение, и репортеры, преследовавшие ее все эти годы, подливали масла в огонь.

– Правда ли, что Трелла присутствовала на гонках, выдавая себя за Анжелику?

Да, это была правда, но пресса об этом узнать не должна. Рамон должен переключить внимание на себя, но ничего не выходило. Он судорожно перебирал в голове варианты.

«Эмоции объединяют людей... Люди должны видеть, что ты чувствуешь».

– По правде говоря, – начал Рамон, нащупав ниточку, за которую можно зацепиться, – я вдруг понял, что гонки перестали быть главной страстью в моей жизни. В это трудно поверить, правда? Ведь гонки были моей жизнью больше десяти лет. Но сейчас, когда мой брат женился и построил собственную семью, я понял, что хочу того же. Я страстно влюблен. – Он обошел Исидору и опустился перед ней на одно колено.

Громкий вздох прокатился по толпе. Количество вспышек фотоаппаратов резко возросло, но поток вопросов прекратился. Рамон посмотрел в глаза Исидоре, и она резко побледнела, поняв, что он задумал.

– Не смей, – едва слышно пробормотала она, прижав ладонь к губам.

– Прости, любимая, – достаточно громко произнес он под щелчки фотокамер, – но я слишком сильно люблю тебя и больше не могу это скрывать. – Рамон не мог вспомнить, говорил ли кому-то эти слова, кроме членов своей семьи, и это было странно. – Ты сказала, что выйдешь за меня замуж, если я брошу гонки. Теперь ты сделаешь меня самым счастливым человеком на свете? Наши отцы одобрили бы это, – добавил он, напомнив ей об их недавнем разговоре.

Исидора многому научилась у своего отца. Глаза ее наполнились неподдельными слезами, которые она даже не пыталась скрыть. Пальцы, которые она прижимала к губам, заметно дрожали.

– Это было «да»? – Рамон сделал вид, что услышал ответ, которого на самом деле не было. Он вскочил на ноги и крепко прижал Исидору к себе. – Она сказала «да»!

Рамон положил ладонь ей на затылок и поцеловал ее. Исидора напряглась, но он лишь крепче обнял ее. Вместо того чтобы навязать ей поцелуй, он приложил все усилия, чтобы убедить ее принять его.

О, этот мерзкий тип не только угрожал ее карьере, он мог разбить ей сердце! Он ласкал ее губы точно так же, как она представляла себе это в мечтах, – уверенно, страстно. Как будто он на самом деле любил ее. Но это была ложь. Ей хотелось выцарапать Рамону глаза за то, что он так жестоко с ней играет.

Юная девушка, ослепленная любовью, снова вернулась. Та самая девушка, влюбившаяся в парня, который был для нее слишком взрослым, девушка, которая была отвергнута и предана ради ее же матери, но которая справилась с этой болью. И вот она снова здесь, наслаждается каждым мгновением этого поцелуя. И она поцеловала его в ответ.

Рамон наконец оторвался от нее, и Исидора вдруг поняла, что он все еще поглаживает ее пониже спины. Фейерверк, который она видела сквозь закрытые веки, оказался вспышками фотоаппаратов, а рев в ушах – смесью одобрительного смеха и аплодисментов. Злая насмешка за ее счет.

И этот гад даже не удосужился отпустить ее, когда она прижала ладони к его груди, чтобы высвободиться. Исидоре ничего не оставалось, кроме как спрятать свое лицо у него на груди. Она украдкой посмотрела на заднюю стену конференц-зала и встретилась взглядом с криво ухмылявшимся Этьеном.

Рамон закрыл за ними дверь своего кабинета, снял пиджак и повесил его на спинку кресла.

– Ты... – У нее на языке крутилось так много непечатных эпитетов, но она никак не могла подобрать нужный. – Как ты мог?

Рамон прошел в переговорную и вытащил телефон из кармана брюк.

– Извини, я должен ответить. А ты пока побудь здесь и постарайся сделать счастливое лицо. Хорошо, что тебя видели только со спины. Слушаю. – Рамон ответил на видеозвонок.

– Ты это серьезно? – прозвучал женский голос. Скорее всего, это была Трелла, но у них с сестрой очень похожие голоса.

– Это все твоя вина. Можешь сказать «спасибо», – ответил он. Значит, все-таки Трелла.

– Зачем ты приплел сюда бедную Исидору? Она ведь ни о чем не подозревала, правда?

– Я застал тебя врасплох, любимая? – Он повернулся в сторону Исидоры, стоявшей как побитая собака и пытавшейся взять себя в руки.

– Иззи с тобой? Мне очень жаль, Иззи. – Трелла одна из немногих могла называть ее так.

– Все в порядке, – солгала Исидора и подошла к Рамону, чтобы увидеть Треллу в экране его смартфона. Анжелика была рядом с сестрой.

– Я должен был отвлечь внимание от этих фотографий. Но нам все рано нужно твое заявление.

– Это тебя не касается, Рамон, – сказала Трелла слабым голосом. – Я все понимаю, но я не хочу...

Она не хотела говорить отцу ребенка, это было ясно без слов, ведь она отказывалась называть его имя даже семье. Исидора сделала вывод, что это был принц Ксавье из Элазара, которого сфотографировали папарацци во время поцелуя с «Анжеликой». У Исидоры никогда не было проблем с различением близнецов, она сразу поняла, что с Ксавье целовалась Трелла, а вот Анжелику поймали на поцелуе с теперь уже королем Касимом с разницей в пару дней.

Знал ли принц Ксавье, которую из сестер он целовал? И что обо всем этом думал Касим, жених Анжелики? Но сама Анжелика ничего не говорила по этому поводу,

она лишь успокаивающе обнимала сестру за плечи.

- Давайте я приеду прямо сейчас, и мы обсудим дальнейшую тактику? - предложила Исидора. Ей хотелось воспользоваться этим предложением, чтобы избавиться от общества Рамона и прийти в себя.

- Ха-ха-ха, - натянуто рассмеялась Трелла.

- Ты не можешь, - покачала головой Анжелика.

- Почему? Что-то случилось в Модном Доме?

- Ты теперь одна из нас, подруга. - Трелла сочувственно посмотрела на Исидору, словно разговаривала с ребенком. - Теперь ты станешь передвигаться на бронированном танке и бегать от папарацци. Seriously, брат, о чем ты думал?

- Что ты имеешь в виду? - опешила Исидора, хотя она уже начала осознавать всю серьезность ситуации.

Объявление о фальшивой помолвке делало ее новой мишенью для репортеров. Нет, нет, нет! Только не это! Исидора никогда не считала себя наивной, но сейчас она показалась себе самой легковерной идиоткой в мире.

- Вы говорили с родителями Исидоры? - с беспокойством спросила Анжелика. - Они, наверное, сейчас телефоны обрывают.

О господи, мама... Исидора прикрыла глаза ладонью. Долгие годы она лгала всему миру, в том числе и отцу, скрывая многочисленные интрижки матери, чтобы имя их семьи не полоскали на каждом углу. А теперь все эти скелеты из шкафа выберутся на свет божий. Наверняка бывшие любовники матери захотят засветиться в прессе, чтобы получить свои заветные минуты славы. И не имело никакого значения, что ее родители в конце концов развелись из-за многочисленных измен Франциски Вильянуэвы. Она много раз обманывала Бернардо Гарсиа, и теперь ему снова придется пройти через это унижение.

Она бросилась к Рамону. Из всего, что он сделал, это было, безусловно, хуже всего.

– Этого я тебе никогда не прощу!

Глава 3

– Девочка моя! – воскликнула мать Исидоры на звонок дочери. – Анри только что мне звонил. Какие потрясающие новости! Ты всегда любила Рамона...

– Анри звонил тебе? – перебила она, молясь, чтобы Рамон не расслышал последнюю фразу.

Рамон был сосредоточен на своем телефоне, который разрывался от голосовой почты.

– Да, – коротко ответил он Исидоре. – Анри смотрел пресс-конференцию. Он уже отправил машину за твоей матерью.

– Анри беспокоится, что репортеры накинутся на тебя, – сообщила она Франциске. Исидора знала, что мать обязательно скажет что-то не то, если узнает, что помолвка ненастоящая, поэтому не стала ее разубеждать. – Собери вещи, мама, не заставляй людей ждать.

– Где Рамон? Я хотела поздравить его и сказать, как сильно люблю вас обоих.

Исидора почувствовала застарелую боль в сердце. Она никогда не питала ненависти к матери, она даже не стала выяснять, почему Франциска переспала с Рамоном, зная, что чувствует к нему Исидора. Она давно поняла, что у матери зависимость сродни наркомании. Со стороны это выглядело как сексуальная распущенность, но на самом деле у Франциски была сломленная, пустая душа, жаждущая обожания и восхищения.

Исидора никогда не подпитывала свою душевную боль, отвергая мать. Она сделала все возможное, чтобы защитить себя от боли, поэтому она заставила себя возненавидеть Рамона.

– Анри говорил и с твоим отцом тоже. Он привезет твоих родителей в наш особняк на время, пока шумиха не уляжется, – сказал ей Рамон.

Исидора хотела протестовать. Нельзя сводить вместе ее родителей, это всегда плохо заканчивается. Франциска увлекалась новым мужчиной, а отец оставался зализывать свои сердечные раны. Исидора не была готова к новому раунду.

– Кажется, тебе звонят в дверь, мама, – сказала она. – Скажи прислуге, чтобы не впускали репортеров, и позвони мне, как устроишься. Люблю тебя.

– Итак, – сказал Рамон, когда шквал сообщений наконец иссяк.

– Зачем? – закричала она. – Зачем ты это сделал?

Зачем он сказал, что любит ее? Ей и без того больно! Ей хотелось сказать самой себе, что она – профессионал, готовый пожертвовать личной жизнью ради карьеры. Но Исидора была настолько ошеломлена тем, как Рамон использовал ее прежние чувства в собственных интересах, что просто онемела.

– Ты знаешь зачем. Объявление об уходе из гонок не сработало.

– Почему я?

– А я должен был объявить себя геем и сделать предложение Этьену? Согласен, это имело бы даже больший эффект, но я вряд ли смог долго поддерживать этот слух.

– Ты действительно думаешь, что кто-то поверит, что мы пара? – негодовала Исидора.

– Это зависит от тебя. Придется тебе научиться делать счастливое лицо, ты же выходишь замуж за Совертера, – добавил он с небрежной ухмылкой.

– Это уже не смешно! Я не выхожу за тебя замуж!

– Нет, – согласился он, и ее юношеские мечты вновь разбились. – Но ты будешь играть роль моей невесты, пока внимание прессы к нашей семье не иссякнет.

– А, ну тогда конечно! Напомни, когда это произойдет? Никогда! Нет, Рамон, я отказываюсь. Можешь поджарить меня на сковороде за неподчинение.

– Ты закончила? – Он облокотился на край стола со скучающим выражением лица.

– Хочешь сказать, что я слишком остро реагирую? – Исидора сжала дрожащие от гнева руки в кулаки. – Ты разрушаешь мою жизнь.

– Ради бога! – Он закатил глаза. – Это твоя работа. Ты все время находишься перед камерами, делаешь заявления для прессы. Это почти то же самое.

– Нет. Я согласна с ролью любимчика Совертеров, но я отказываюсь быть главным событием в прессе.

– Ты не любимчик, – нахмурился он. – Ты – часть внутреннего круга нашей семьи, и тебе это прекрасно известно.

– С каких это пор?

– Я бы ни с кем, кроме тебя, не прошел по сегодняшнему маршруту, даже будь у меня альтернатива. Мы доверяем тебе. Это очевидно из позиции, которую ты занимаешь. Как тебе новость?

– Ты мне доверяешь? – Исидора не верила своим ушам. – После того, что ты мне наговорил утром? Что готов сделать мою жизнь невыносимой, разрушить ее?

Рамон не пошевелился, но выражение его лица ужесточилось.

– Давай поговорим о том, как я в действительности разрушил твою жизнь? Мы должны избавиться от всех недомолвок, чтобы ты начала себя вести как взрослый человек.

Нет! Она почувствовала, как перехватило в немом крике горло. Не сказав ни слова, она развернулась и направилась к двери. Исидора дернула ручку, но дверь не поддавалась. Не мог же он запереть ее здесь? Ей вдруг стало страшно.

Она боялась не самого Рамона, а тех чувств, которые он в ней вызывал. На лбу выступил липкий пот, ноги и руки вмиг стали ледяными.

– Почему ты такой мерзкий тип? Обязательно быть таким?

– Ты знаешь почему. Именно об этом я и говорил. – Он подошел к бару и достал бутылку анисовой настойки. – Твое любимое спиртное, насколько я знаю?

Исидора не ответила, но про себя удивилась, что Рамон в курсе ее предпочтений. Правда, это распространенный напиток в Испании, так что он, скорее всего, просто угадал. Рамон налил настойку в два широких бокала.

– Ты знаешь историю нашей семьи, Исидора. Ты играла с моими сестрами, когда они разучились это делать. Ты навещала Треллу, когда она закрылась в особняке. Ты отдавала предпочтение мне, в то время как абсолютное большинство девушек не видели никакой разницы между мной и Анри. Присядь.

Из глупого упрямства Исидора осталась стоять около двери, воинственно сложив руки на груди. Она ненавидела его за то, что он знал о ее юношеских чувствах и говорил о них так, словно это было какое-то милое детское воспоминание. Ностальгия по первому питомцу.

Рамон отхлебнул из своего бокала и внимательно посмотрел на разгневанную Исидору:

– Я был польщен, но не мог воспринимать тебя всерьез. Ты была слишком юна.

Она знала это. Восемь лет – большая разница в возрасте на тот момент. Треллу похитили, когда Рамону и Анри было по пятнадцать лет, и это заставило их резко повзрослеть. А из-за ранней смерти отца им пришлось взять на себя семейный бизнес в двадцать один год. На протяжении десяти лет они несли на своих плечах огромную ответственность. Исидора понимала, что во многих отношениях возрастная разница между ней и Рамоном все еще огромна.

– Меня не волнует, что ты никогда не хотел встречаться со мной, – солгала она. – Но я никогда не прощу того, что ты спал с моей матерью.

– Я не спал с ней! – прорычал он. Исидора фыркнула и отвернулась, чтобы он не увидел боли, искажившей ее лицо. – Ты ее спрашивала?

– Нет! Но мне это было не нужно. То, что я видела, говорит само за себя.

– И что же ты видела?

– Твоя одежда помялась, на лице проступила щетина, капот машины был холодным. Не нужно быть экспертом, чтобы понять, где ты провел ночь.

– Я никогда не отрицал, что провел ночь в доме твоей матери.

– В ее постели. Обе подушки были смяты, я видела.

– Я откинулся на кровати, пока она смывала макияж. Мы просто говорили, ничего не было. Потом мы спустились вниз и выпили. Я выпил слишком много, чтобы садиться за руль, и лег спать на диване внизу. Я проснулся, когда услышал, как ты вошла. Я пытался рассказать тебе это на юбилее твоего отца, но ты не стала слушать.

– О, ради бога! Как только она поняла, что я пришла, она спросила, как давно я здесь, и при этом выглядела чертовски виноватой!

– И это, по-твоему, доказательства? Ты не можешь допустить мысль, что твоя мать провела ночь в одном доме с мужчиной, но не занималась с ним сексом?

– Ты подошел к опасной черте, Рамон. Я не стану обсуждать с тобой образ жизни моей матери.

– Если ты считаешь, что я тащу в постель каждую женщину, которая оказывается в моем поле зрения, ты ошибаешься.

– И ты хочешь, чтобы я поверила, что моя мать всю ночь плакала на твоём плече? – В ней с новой силой вспыхнуло возмущение и презрение. – Тогда почему ты не сказал мне об этом, когда мы встретились в холле? Я спросила тебя, что ты там делал, а ты ответил, что моей матери нужна была компания, и ты решил ей ее составить. Ты знал, как я истолкую твои слова. Ты точно знал, что я

подумаю. Если вы не занимались сексом, почему ты позволил мне поверить, что между вами что-то было?

- Потому что тебе было всего восемнадцать и ты все еще была влюблена. Я должен был это остановить.

На несколько секунд мир вокруг нее остановился. Исидора не могла дышать от нахлынувшей на нее боли. Она ведь больше не была влюблена в него. Она могла поклясться в этом еще утром, но это было до поцелуя. Ей так хотелось поскорее остаться одной, чтобы снова пережить этот поцелуй в своей памяти. Рамон был прав. Пора поставить жирную точку на этом детском увлечении.

Исидора почувствовала, как что-то легонько защекотало ее щеку. Она провела по щеке ладонью и с удивлением поняла, что это была одинокая слезинка. Исидора услышала, как тяжело вздохнул Рамон.

Все, хватит! Она поклялась себе, что это была последняя слеза, которую она пролила из-за этого человека.

И не важно, спал он с ее матерью или нет. То, что он ей сказал, обозначало только одно: Рамон никогда не был в ней заинтересован. Она ему нужна только в качестве фальшивой невесты. Губы Исидоры дрогнули, словно в попытке посмеяться над тем, как жестоко наказывает ее жизнь.

- Любовь зла, - с жесткой иронией произнесла она.

Рамон залпом опустошил второй бокал и шумно выдохнул. Хладнокровный ублюдок! Что она вообще в нем могла найти?

Ей хотелось послать его ко всем чертям, но она не могла. Не в ее правилах отворачиваться от людей, которые нуждаются в ее помощи. Это была ее отличительная черта. Она всегда помогала родителям преодолевать боль, которую они причиняли друг другу.

Исидора заперлась в уборной, примыкавшей к кабинету Рамона, чтобы поправить макияж. Глаза покраснели, и помада слегка размазалась. Исидора вытерла помаду ватным диском и внимательно посмотрела на свое отражение,

вспоминая, как отец сказал, что гордится ею. Не только потому, что она пошла по его стопам, но и по другим причинам. Любовь к отцу сильно повлияла на становление ее личности, особенно когда она узнала, что Бернардо не является ее биологическим отцом.

Бернардо был ее якорем, ее моральным ориентиром в этом зачастую неприветливом и жестоком мире. Он был для нее той опорой, которой не смогла стать Франциска. Он бы никогда не оказался в таком двусмысленном положении, как Исидора. Но если бы ему пришлось выбирать: работать с Совертером или против него, он бы сделал все, что ему прикажут.

Он бы остался предан детям человека, который уговорил его принять ребенка жены от другого мужчины как своего собственного. Исидора была обязана Совертерам тем, что у нее есть отец, хотя они этого и не знают. По крайней мере, когда все закончится, она выплатит этот долг.

* * *

Рамон налил себе третью порцию анисовой настойки и медленно потягивал ее, наслаждаясь тонким вкусом. Он наконец-то остался один и теперь воскрешал в памяти поцелуй с Исидорой, вспоминая вкус и нежность ее губ. Он был практически готов к тому, что она ударит его коленом в пах, но ее ответный поцелуй вызвал в нем куда более сильную реакцию. Это был какой-то взрыв, который сжег в его памяти все, что он знал о поцелуях, женщинах и сексе.

Какого черта?

У него было много красивых женщин, но ни одна из них не вызвала столь бурной реакции. На мгновение он даже утратил связь с реальностью, не осознавая, где он находится и что делает. Он был ошеломлен тем, как легко она пробила его защитные барьеры. Если бы он знал, насколько они сексуально совместимы...

Нет. Он налил себе еще порцию спиртного, отказываясь анализировать сделанное. Это было прерогативой Анри. Он всегда отслеживал результаты своих действий в электронных таблицах, сравнивал и анализировал их, делал прогнозы и намечал дальнейшие шаги. Но Рамон всегда действовал по-другому.

Он полагался на свои инстинкты, выбирал цель и шел к ней кратчайшим путем.

Его главной целью была защита семьи, и он никогда не позволял примитивным инстинктам отвлекать себя от цели. Слишком много людей зависели от него, особенно теперь, когда у Анри появилась семья.

Но были у Рамона и свои слабости. Иногда, в минуту одиночества, когда он не мог быть с семьей, он искал себе компанию, чаще всего женскую. Именно так и было пять лет назад, когда он повстречал в баре бывшую жену лучшего друга своего покойного отца. Франциска Вильянуэва была тонкой натурой, вынесшей немало боли. К моменту их встречи она уже была достаточно пьяна, так что он отвез женщину домой, чтобы ее состоянием не воспользовались менее щепетильные мужчины, чем он сам. Рамон не мог спасти эту женщину от самой себя на долгий срок, но хотя бы на одну ночь он мог это сделать.

Она открыла ему свою боль, обнажив множество трещин в семейной жизни, о которых он даже не догадывался по сдержанному поведению Бернардо и лучезарным улыбкам Исидоры.

Встретившись наутро лицом к лицу с Исидорой, Рамон понял, что должен принять решение за доли секунды, как на гоночной трассе. Она с подросткового возраста смотрела на него с щенячьей преданностью, и чем взрослее становилась, тем труднее ему было игнорировать эти взгляды. Искушение становилось все сильнее по мере того, как Исидора постепенно превращалась в соблазнительную женщину, но она все еще была слишком молода и неопытна для отношений без обязательств, которые он мог ей предложить.

Когда восторженная улыбка исчезла с ее лица, сменившись чувством опустошения и предательства, он не спешил разуверять ее. Рамон мог сказать, что ночь ограничилась вином, разговорами и целомудренным поцелуем в щеку, когда Франциска отправилась спать в одиночестве, но не стал. Он мог бы сохранить влюбленность Исидоры, но с какой целью? Он не собирался жениться на ней, и дело было вовсе не в Исидоре. Он вообще не хотел обзаводиться семьей и детьми. Никогда.

Какова была альтернатива на тот момент? Поощрять Исидору в ее чувствах, переспать с ней и разбить ей сердце? Нет, он использовал подвернувшуюся возможность, чтобы излечить ее от этой влюбленности. Жестоко? Да. Но это

ради ее же блага.

Рамон не мог предвидеть, что несколько лет спустя Анри наймет ее на работу. Исидора превратилась в уверенную в себе, изысканную женщину, обладавшую умом и чувством юмора. К тому же она прекрасно знала все нюансы членов их семьи.

Рамон понимал, что она сердится, что ей неприятна вся эта ситуация, что она не хочет лгать об их помолвке. Его предложение было очередным импульсивным решением, но он уже не мог отыграть его назад. Они должны сделать все возможное ради семьи. Рамон провел пальцем по краю бокала, снова мысленно возвращаясь к поцелую. Это было опасное отвлечение, он должен сосредоточиться на том, что нужно его семье.

Дверь дамской комнаты открылась, и из нее вышла абсолютно спокойная Исидора с широкой радостной улыбкой на лице. У Рамона перехватило дыхание. Господи, он с трудом сдержался, чтобы снова не поцеловать ее.

– Так лучше? – спросила она. Рамон был настолько ослеплен ее красотой, что не сразу уловил сарказм в ее голосе. – Ты сказал, что я должна выглядеть счастливой. Так достаточно? – Улыбка тут же исчезла с ее лица. – Тебе понадобится вечеринка в честь окончания гоночной карьеры и в честь помолвки тоже, – продолжала она. – Именно две разные вечеринки, чтобы увеличить охват аудитории. Нужно будет как-то дополнительно осветить реструктуризацию, можно пригласить прессу, чтобы запечатлеть, как ты жмешь руки новым руководителям подразделений. Мне понадобится кольцо. Что-то кричащее, даже вульгарное, пожалуй. Желтая пресса будет в экстазе. Себе я его, конечно, не оставлю, так что выдай мне ссуду, чтобы я купила кольцо...

– Я сам позабочусь о кольце, – перебил он, с трудом поспевая за мыслями Исидоры. – Значит, ты согласна и больше не будешь спорить?

– О, я уверена, что спорить мы будем, и не раз, но ты не оставил мне выбора. – Она сухо улыбнулась.

– Ты получишь щедрую компенсацию. – Рамон с трудом удержался, чтобы не закатить глаза.

– Я стараюсь не ради этого. – Она смерила его презрительным взглядом. – Я сделаю все, чтобы помочь Трелле. И всей вашей семье. Но как долго это продлится? Три месяца, четыре? Как только Трелла родит, а Анжелика объявит о помолвке, мы можем расстаться, придумав какую-то благовидную причину.

– Звучит разумно, – согласился Рамон. Он прекрасно знал, когда нужно надавить, а когда промолчать.

– Будет разумно, если я уйду из компании, когда мы расстанемся. Ты должен поговорить с Анри о том, кем вы меня замените.

Рамон хотел запротестовать, но она была права. Он поможет ей найти хорошую должность в качестве части компенсации. Если Исидора им понадобится, они найдут подходящую причину, чтобы вернуть ее, когда страсти поулягутся.

Исидора исподлобья посмотрела на Рамона и прикусила губу.

– Этьен кажется самой подходящей кандидатурой на мою должность. Если ты тоже так считаешь, я должна тебе кое-что рассказать.

– Продолжай, – прищурился он.

Она поправила волосы, откашлялась и робко улыбнулась:

– Этьен ожидал, что займет место моего отца. Он был очень расстроен, когда эту должность получила я.

– И что? Мы принимаем решения, ориентируясь на то, что будет лучше для компании.

– Я знаю, но... Он работал под началом моего отца четыре года, пока я училась в университете. Я никогда не афишировала свою дружбу с твоими сестрами, поэтому Этьен не понимает, почему вы выбрали меня. Ему кажется, что его не ценят.

– Почему меня должно волновать его уязвленное эго?

– Я как раз пытаюсь объяснить. Если ты считаешь, что он подходит на мою должность, мы должны подвести его к этому. Нужно рассказать Этьену, что помолвка ненастоящая, чтобы он почувствовал себя частью команды. Он и так думает, что я получила должность исключительно по протекции отца, к тому же мы с ним раньше встречались...

– Ты спала с этим идиотом?

По какой-то причине Рамон считал, что Исидора еще девственница. Он понимал, что это несколько странно, и все же она порой вела себя как невинная, наивная девушка. А теперь она потупилась и покраснела, как новобрачная. Конечно, у девушки ее возраста должны были быть мужчины.

Он не понимал, почему это вдруг оказалось для него таким неприятным сюрпризом. Может, потому, что его сестры ни разу и словом не обмолвились о ее кавалерах? Когда Исидора была еще совсем юной, Бернардо в оба глаза смотрел за дочерью, учитывая поведение ее матери. Бдительность Бернардо была еще одной причиной, по которой Рамон старался не смотреть в ее сторону, и все же ему казалось, что она никем не увлекалась, кроме него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kollinz_deni/a-kak-zhe-lyubov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)